

6.08.2004

81

Двойной портрет

Нацболы

ЛИЦЕПРИЯТНЫЙ ПОРТРЕТ ОТ КОНСТАНТИНА КЕДРОВА

Мой близкий друг легендарный «лианозовец» Игорь Холин в 60-е годы много общался с Эдичкой. Говорил он об этом не с умилением, а с раздражением: «Ему на все наплевать, лишь бы прославиться. И всегда у него висели портреты Гитлера со Сталиным. Так что и национал-большевизм совсем не маска. Он так думает. Не хочу его видеть». Несмотря на столь резкий отзыв, я все же попытался помирить Лимонова с Холиным, но на мою попытку в этом направлении Лимонов не отозвался. Теперь, в мемуарах, он то ностальгирует по гениальному Холину, по подсмеивается над ним. И то, и другое искренне.

Чего мы, собственно говоря, требуем от писателя? Чтобы он был паинькой и отличником? Но отличников у нас полная Дума и целый рой союзов писателей: Московский, Москвы, Российский, России, да еще и Содружество во главе с дуаином Дядей Степой. Это, конечно, несправедливо, что Эдуард Лимонов известен каждому, а Бродский каждому сотому или пятисотому. Бродский хоть и побывал в колхозной ссылке за тунеядство, но брюки не кроил. А Лимонов, как бог из того анекдота, по субботам еще и шил. Кстати, его модный покррой с широкими клешами весьма запомнился московскому бомонду 70-х. И вообще Лимонов запомнился еще в те времена, хотя не было никаких скандалов, высылки и статей в «Правде», клеймящих капитализм. Когда же после высылки за кордон в «Правде» напечатали статью про ужасы капитала, все решили, что автор – агент Лубянки. Хотя тогда мы еще не знали, что папа его действительно майор (не юрист, но охранник). Еще не было исповедального романа «У нас была великая эпоха», от которого разило дегтем сталинских сапог. Но харьковский подросток уже был тем, кто он сейчас. Сталинистом. Вернее, национал-сталинистом. А, проще говоря, фашистом по убеждениям.

Ностальгия по «великой» эпохе

А теперь припомним писателей «фашистов» или, по крайней мере, осужденных за фашизм: Д'Аннуцио, Элиот, Эзра Паунд, Метерлинк, Гамсун. Но с ним Лимонов равнодушен. Он предпочитает родной советский литературный фашизм. «Железный поток» Серафимовича, «Как закалялась сталь» Николая Островского.

Мне совершенно наплевать и на его великую эпоху, хотя мы с Эдичкой ровесники, и на красную течку Серафимовича. За призыв «Сталин – Берия – ГУЛАГ» Лимонов вполне заслуживает тюрьмы, как какой-нибудь Сервантес. Но в отличие от Сервантеса он не написал в тюрьме «Дон Кихота». Его проза все политизированней, все бледней и слабей.

Конечно, хорошо бы, если бы писатели были еще и праведниками, как Лев Толстой. Но тот же рубака Сервантес, воюющий с пиратами и алжирскими маврами, вряд ли вписывается в святцы. Не

вписывается и Лимонов. Тоже любитель пороха и воинских приключений. Он не виноват. Его прекрасная эпоха там, в сталинизме и большевизме. Там бы он нашел себя. Раскулачивал бы крестьян, вешал попов. Потом горячо любимый Берия загнал бы его в Магадан или в Нарым. В любую эпоху дело эдичек начинается, продолжается и заканчивается в эмиграции, в тюрьме или ссылке.

Не думаю, что Лимонов напишет своего «Дон Кихота». Пик его писательского апломба и куража – в Москве 70-х и Нью-Йорке 80-х. Сегодня он по-детски хвастается, что выдал членский билет нацболки четырнадцатилетней пэтушнице. Лично и наедине. Маленькие радости большого секса или большие радости маленького секса. И правильно, «хер с ней, с литературой». Постмодернизм не очень заботится о цеховой принадлежности. Он все рассматривает, как тусовку. Не важно произведение – важен я. Художник закатал в консервную банку свои экскременты и наклеил этикетку: «Натуральное дерьмо художника...» такого-то. Лимонов закатал, вернее, пытается закатать в банку всех нас, снабдив произведение надписью: «Это я – Эдичка». Если Гитлеру удалось закатать всю Германию, а Сталину весь СССР, то почему Лимонову не попытаться закатать всю Россию?

Его акции безобидней детского утренника. Запустили яйцом в Никиту Михалкова за претенциозный супердорогой фильм. Так ведь вся интеллигенция Лимонову спасибо сказала: хоть кто-то провозгласил, что король голый.

Интереснее акции, которые я для себя обозначил термином «прикованный Прометей». Забавно смотреть, как менты копошатся вокруг прикованных подростков в ожидании пилы или сварочного аппарата. Впору снабдить их вместо привычных дубинок-демократизаторов отмычками для наручников «антипромелей». И опять, кто же не протестует вместе с нацболами-подростками против отмены так называемых льгот. Да все порядочные люди давно сказали вслух, что они обо всем этом думают.

Другого Эдички у нас нет

Так что же получается? Национал-большевик Лимонов выражает затаенный протест русской интеллигенции? Да, выражает. Потому что, не переставая быть удачливым беллетристом, выпускающим книгу за книгой, Лимонов за пределами этого чтива становится настоящим русским писателем. Писатели – это протест. Протест – Лев Толстой, протест – Солженицын. Солженицын, переставший протестовать, это нечто совсем другое. Протест, если хотите, – Лимонов. Правда, тут есть трагикомический парадокс. Чем сильнее протест писателя в жизни, тем бледней он в литературе. Чернышевский написал «Что делать?» в тюрьме. Так ведь плохо написано, читать невозможно – только «проходить». Зато как та-

лантливо и глупо звучит его прокламация «К топору». Чем глупее, тем талантливей. Есть еще и такой парадокс.

Не надо обожествлять профессию писателя. Никто не нанимался быть гением. Один хочет стать соевостью русского народа и становится всеобщим посмешищем. Другой ничего не хочет, и не скрывает своего нехотения, и тотчас становится самым известным из ныне живых писателей. Лимонов прославил не только себя, но и двух своих жен. Одна стала графиней де Карли. Другая была культовой фигурой русско-парижской и парижско-русской тусовки. Она оставила в своей книге свою предсмертную заповедь, обращенную к Эдичке: «Просто только срать с моста». Замечу, что и это совсем не просто.

Эдичка, вернее, его герои в литературе и в жизни «срут с моста». Или с башни рижской ратуши. Или с думской крыши, или с какой другой. Раньше многие считали, что Эдичка – агент, Гапон, вышедший из повиновения охранке. Тем более что семья такая и сам совок. Теперь же, когда все увидели его изможденный лик с донкиховской бородкой сквозь решетку обезьянника, многие, в том числе и я, поверили в подлинность его убеждений. Он действительно национал-большевик, помесь нациста с большевиком. А что еще могла выродить «прекрасная» сталинская эпоха из своих большевистских недр. Это и только это. Других Эдичек у нас нет. Придется иметь дело с этим.

Уберите Лимонова из контекста 70–80–90-х и нынешних времен, и все станет скучно. Он по крайней мере единственный писатель не обыватель. Дачей не обзавелся. Денег не накопил. С властью не побратался. А мог ведь и то, и другое, и третье.

«Полюбите нас черненькими, беленькими нас всякий полюбят», – сказано у Гоголя во втором, полусожженном томе «Мертвых душ». Полюбить Лимонова я, пожалуй, уже не смогу. Но отнестись к нему по-человечески – святое дело. Он писатель. В нем добро и зло присутствуют в полной мере. У него оторвали родину – Советский Союз и родину – Харьков. Ему предлагают играть по правилам сытых переделкинских буржуа, раскормленных госпремиями. Он не хочет. Он не выслуживается ни перед нами, ни перед Западом. Пожалуй, только перед своими нацболами, подростками-переростками. Он слегка кокетничает и вальсирует, размахивая «лимонками».

Не надо разбивать ему голову ореховым прикладом, запирайте его в обезьянник, высылайте за кордон. Что выросло, то выросло. Другого Эдички у нас нет, а этот как-никак состоялся. К слову «нацбол», придуманному Лимоновым и вошедшему навсегда в язык, что нечасто удается даже крупным писателям, я бы прибавил на конце мягкий знак. И тогда станет ясно, что такой Эдичка. Может, национальная болезнь. А, может, национальная боль. Скорее всего, и то, и другое.

ИТАР-ТАСС

Литература – это протест.

А если не протест, то и не литература. «Хер с ней, с литературой», – сказал Лимонов в одном своем интервью. Слово настоящего писателя. Кто пыхтит над компьютером, смакуя каждое слово, тому Лимонов не по мозгам. У Лимонова вместо компьютера автомат. «Разбейте мне голову прикладом из орехового дерева», – призывает его герой. Ореховое дерево не гниет даже в субтропической сырости и не поддается жуку-короеду.

«Кому я нужен со своими стихами?..»

Больше всего у Лимонова мне нравится статья о Бродском «Поэт-бухгалтер». Обыватель с презрением пройдет мимо картинки Клее без должной оправы. Зато он часами будет стоять возле любой поделки в роскошной дорогой раме. Такова, по мнению Эдуарда Лимонова, поэзия Бродского. Множество вещей в золоченых рамках. Слезы умиления в глазах дилетантов, желающих быть «причастными». Проза самого Лимонова – без золоченых рам и без стекла. Смотреть там особо не на что. Ну, сидит он на нью-йоркском подоконнике с голым задом, хлебая прямо из миски русские холодные щи. Что тут особенного? А запомнилось всем и навсегда. И официантик по прозвищу «преступный Патри-

шио» впечатался, как обломовский Захар с ладонью, грязной, как ступня.

Вернувшись в Россию из недобровольной эмиграции в 90-х, он остановил меня однажды на улице возле станции «Боровицкая». Сказал: «Вот так и должен идти поэт, никого не замечая». Я извинился, что не узнал его сразу, и мы прошли вместе сначала к Арбату, потом до «Кропоткинской» и обратно по бульварам к Арбату.

– Зачем вам все эти «Лимонки»? Вы же настоящий поэт.

– Не пишется. Да и кому я был бы нужен со своими стихами, а тут все читают.

Мы выпили пару-другую пивка из горла и расстались, если не друзьями, то... Не берусь определить точно. Во всяком случае, со мной Лимонов был полностью откровенен. И я эту откровенность ценю.

Лимонов Эдуард